

Научная статья

УДК 347.1

DOI: 10.25683/VOLBI.2024.68.1030

Yulia Varazdatovna Vinichenko

Candidate of Law, Associate Professor,
Head of the Department of Civil Law and Procedure,
Baikal State University
Irkutsk, Russian Federation
juvinichenko@mail.ru

Юлия Вараздатовна Виниченко

канд. юрид. наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского права и процесса,
Байкальский государственный университет
Иркутск, Российская Федерация
juvinichenko@mail.ru

О ФОРМАХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ЕГО ПОНИМАНИЯ И НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

5.1.3 — Частно-правовые (цивилистические) науки

Аннотация. В контексте проблем понимания и нормативно-правового регулирования гражданского оборота в статье исследуются возможные варианты функционирования (действия) гражданского оборота как социального юридически значимого феномена. Исходя из понимания функционирования гражданского оборота как смены обладателей объектов оборота, отмечается детерминированность действия гражданского оборота формой, т. е. внешним выражением существования оборачиваемых объектов. Сообразно градации последних по данному критерию на материальные и нематериальные, с выделением в рамках группы материальных объектов овецистических и неовецистических, в т. ч. цифровых, предлагается выделять две основные формы функционирования гражданского оборота — фактическую и юридическую. Особенность функционирования гражданского оборота в юридической форме обусловлена спецификой соответствующих объектов — субъективных прав и обязанностей, способных существовать только в нематериальной юридической форме; соответственно этому, вне правового опосредования оборот таких объектов невозможен и действия субъектов, направленные на смену их обладателей, могут быть только

юридическими. В отличие от этого гражданский оборот, функционирующий в фактической форме, складывается по поводу материальных (как овецистических, так и неовецистических) объектов, способных к фактическому, т. е. безотносительно к нормативно-правовой регламентации, получению субъектами. Практическая значимость предложенного деления связывается с вопросом о возможном порядке защиты нарушенных прав и охраняемых законом интересов участников оборота и с определением востребованных направлений законодательного воздействия на гражданский оборот; с доктринальных позиций на этом основании аргументируется необходимость актуализации сложившегося в отечественной цивилистике понимания гражданского оборота.

Ключевые слова: гражданский оборот, правовая форма, правовое регулирование гражданского оборота, функционирование гражданского оборота, формы функционирования гражданского оборота, фактические действия, юридические действия, фактическая форма функционирования гражданского оборота, юридическая форма функционирования гражданского оборота, объекты гражданского оборота, порядок защиты гражданских прав

Для цитирования: Виниченко Ю. В. О формах функционирования гражданского оборота в контексте проблем его понимания и нормативно-правового регулирования // Бизнес. Образование. Право. 2024. № 3(68). С. 183—188. DOI: 10.25683/VOLBI.2024.68.1030.

Original article

ON FORMS OF CIVIL CIRCULATION FUNCTIONING IN THE CONTEXT PROBLEMS OF ITS UNDERSTANDING AND LEGAL REGULATION

5.1.3 — Private law (civilistic) sciences

Abstract. In the context of problems of understanding civil circulation and its legal regulation, the article examines possible options for the functioning (action) of civil circulation as a social, legally significant phenomenon. Based on understanding of the functioning of civil circulation as a change of owners of objects of circulation, it is noted that the action of civil circulation is determined by the form, i.e., the external expression of the existence of the objects being circulated. In accordance with the gradation of the latter according to this criterion into tangible and intangible, with a distinction within the group of tangible and intangible objects, including digital ones, it is proposed to distinguish two main forms of functioning of civil circulation — actual and legal. The peculiarity of the functioning of civil circulation in legal form is due to the specifics of the corresponding objects — subjective

rights and obligations that can exist only in an intangible legal form; accordingly, without legal mediation, the circulation of such objects is impossible and the actions of subjects aimed at changing their owners can only be legal. In contrast, civil circulation, functioning in actual form, develops regarding material (both material and immaterial) objects that are capable of actual, i.e., regardless of legal regulation, receipt by subjects. The practical significance of the proposed division is associated with the question of a possible procedure for protecting the violated rights and legally protected interests of participants in circulation and with the identification of popular areas of legislative influence on civil circulation. From a doctrinal position, on this basis, the need to update the understanding of civil circulation that has developed in domestic civil law is argued.

Keywords: *civil circulation, legal form, legal regulation of civil circulation, functioning of civil circulation, forms of functioning of civil circulation, actual actions, legal actions, actual*

form of functioning of civil circulation, legal form of functioning of civil circulation, objects of civil circulation, procedure for protecting civil rights

For citation: Vinichenko Yu. V. On forms of civil circulation functioning in the context problems of its understanding and legal regulation. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2024;3(68):183—188. DOI: 10.25683/VOLBI.2024.68.1030.

Введение

Актуальность. Эффективное правовое регулирование предполагает максимально полное, всестороннее и адекватное (соответствующее действительности, согласующееся с ней) представление о регулируемой сфере общественных отношений. В равной мере это касается и правового регулирования гражданского оборота, одним из аспектов цивилистического исследования которого в данной связи выступает выявление особенностей его (гражданского оборота) организации и функционирования.

Нельзя, однако, не заметить, что подобная постановка вопроса предполагает прежде всего пересмотр самого подхода к пониманию гражданского оборота, сложившегося в отечественной цивилистике. С одной стороны, пожалуй, ни у кого не вызывает сомнений, что гражданский оборот выступает объектом правового регулирования. С другой стороны, среди правоведов широко признана и, начиная с середины прошлого века (когда была написана первая работа, посвященная собственно гражданскому обороту [1]), укоренилась дефиниция его как правовой формы экономического оборота [2, с. 244; 3, с. 20—21] — определение, диссонирующее с отмеченным эмпирическим восприятием гражданского оборота (поскольку объектом правового регулирования, как известно, выступают общественные отношения, а не правовые формы) и, как минимум, ведущее к выпадению из его сферы тех отношений, которые на настоящий момент не имеют ввиду отсутствия их нормативно-правовой регламентации однозначно определенной правовой формы. Ситуация усугубляется «догоняющим» по отношению к стремительным темпам социально-экономического развития, сопровождаемого появлением новых видов объектов оборота и соответствующих отношений, характером развития действующего гражданского законодательства, а также доктринальной неразработанностью ряда исходных при таком подходе к пониманию гражданского оборота положений, в частности, общего учения о правовых (гражданско-правовых) формах.

Например, В. А. Белов, считая гражданский оборот правовой формой экономического оборота, выделяет более десятка гражданско-правовых форм, в связи с чем уже даже в первом приближении возникает целый ряд вопросов, в частности: в какой именно правовой форме, из числа выделяемых правоведом, отражается экономический оборот; или гражданский оборот — их совокупность? Является ли гражданский оборот самостоятельной правовой формой? Не ясно и то, выступает ли гражданский оборот единственно возможной формой экономического оборота. Учитывая традиционность восприятия гражданского оборота как некой «динамики», оправдан и вопрос о том, отражается ли экономический оборот в категориях юридической науки только в форме обязательств [4, с. 8], или, как отмечается в литературе, в вещно-правовых формах тоже [5, с. 114—157]? Представляется бесспорным, что ответы на данные вопросы нуждаются в серьезном научном анализе и в любом случае обуславливают необходимость корректировки имеющегося учения о гражданском обороте как правовой форме.

Так или иначе, признавая регулирующее воздействие позитивного права на гражданский оборот, следует воспринимать его не только как «идеальное отражение» экономического оборота, но и в качестве *реально существующего феномена*, в связи с чем выявление возможных вариантов и соответствующих форм его функционирования (действия) видится теоретически и практически значимым, а потому актуальным.

Изученность проблемы. До настоящего момента вопрос о формах функционирования гражданского оборота, ввиду преобладания принципиально иного подхода к пониманию последнего, в отечественной цивилистике не ставился.

Целесообразность разработки темы. Выявление форм функционирования гражданского оборота позволит сформировать адекватное (соответствующее действительности) доктринальное представление о гражданском обороте как юридически значимой сфере общества, важное как с позиций определения наиболее востребованных и эффективных направлений государственно-правового воздействия на эту сферу общественных отношений, так и с точки зрения применения соответствующих правовых норм, а также установления возможного порядка и способов защиты прав и охраняемых законом интересов отдельных участников оборота.

Научная новизна состоит как в самой постановке вопроса, исследованию которого посвящена настоящая работа (детерминированной в свою очередь используемой **методологией** — применением системного подхода к восприятию гражданского оборота), так и в предложенном решении данного вопроса.

Цель исследования — выявить формы функционирования гражданского оборота, значимые в контексте проблем цивилистического понимания последнего и его государственно-правового регулирования. Достижение указанной цели обусловило решение следующих **задач**: рассмотреть возможные варианты функционирования гражданского оборота; выявить на этом основании собственно формы действия гражданского оборота и их особенности; аргументировать теоретическую и прикладную значимость предложенной градации.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно расширяет доктринальные представления о феномене, отображаемом в одной из базовых цивилистических категорий — «гражданский оборот».

Практическая значимость исследования проявляется в том, что сделанные автором выводы могут способствовать решению вопросов об определении порядка защиты нарушенных прав и охраняемых законом интересов участников гражданского оборота и востребованных направлений законодательного воздействия на сферу оборота.

Основная часть

Приступая к рассмотрению гражданского оборота с отмеченных выше позиций, не останавливаясь в рамках настоящей статьи на вопросах о понимании и функциях гражданского оборота как системно организованного юридически значимого социального феномена, понятии и нача-

лах функционирования данной сферы общества (подробнее см.: [6, с. 188—192, 235 и след.]), в общем виде заметим, что функционирование гражданского оборота состоит в смене обладателей объектов оборота (суть, благ в экономическом смысле, выступающих средством удовлетворения потребностей лиц) и что в немалой степени оно детерминировано формой, т. е. внешним выражением [7, с. 489] существования этих объектов.

По указанному признаку все объекты оборота, на наш взгляд, могут быть классифицированы на материальные (объекты, существующие в материальной форме, вне зависимости от человеческого сознания и способные к сенсорному восприятию) и нематериальные (объекты, которые существуют лишь на уровне идеальных представлений в форме, не способной к сенсорному восприятию), с выделением в рамках группы материальных объектов овеществленных и неовеществленных, в т. ч. цифровых [8, с. 339—340]. Разделяя позицию о несводимости материи исключительно к вещественному, «телесному» миру [9, с. 12; 10, с. 105; 11, с. 29—30; 12, с. 114—132], полагаем, что нематериальными объектами оборота являются только субъективные имущественные права и обязанности, существующие не просто в рамках предписанного для них правового режима, а в силу самого признания законодателем тех или иных возможностей субъективным правом определенного вида (в качестве вещного, исключительного, цифрового права) либо в силу установления определенных возможностей и долженствований лиц в качестве субъективных прав и юридических обязанностей волей субъектов (обязательственные, корпоративные права и обязанности) [8, с. 340].

Оборот всех этих объектов (и материальных, включая цифровые, и нематериальных) *по своему содержанию представляет одно и то же* — повторим, являющуюся функционированием гражданского оборота *смену обладателя объекта*, благодаря которой удовлетворяются потребности субъектов оборота. Однако несмотря на содержательную идентичность, в разных ситуациях отличается *форма функционирования оборота*, т. е. внешнее выражение смены обладателей благ, обусловленное как раз формой существования объектов оборота.

В одних случаях гражданский оборот может быть овеществленным. Это имеет место при обороте вещей и результатов работ, когда смена обладателя определенного объекта визуализируется либо фактическим завладением самой вещи, либо вручением традентом акципиенту его символа, служащего средством, обеспечивающим доступ к этой вещи и, как справедливо отмечает В. В. Ровный, помогающим решать «такие актуальные задачи, как ускорение гражданского оборота, а также обеспечение траденту и акципиенту комфорта (и, что немаловажно, — безопасности) при совершении акта приема-передачи» [13, с. 85]. Регулятивная правовая регламентация соответствующих отношений сравнительно вторична, поскольку оборот подобных объектов может существовать и безотносительно к тому или иному позитивно-правовому регулированию и *de facto* может не совпадать с *de jure*. Безусловно, максимально желаем (и участниками оборота, и с позиций оборота как системы) переход самой вещи, сопровождаемый переходом (или, в зависимости от подхода к пониманию, возникновением) прав на нее. В то же время в реальности такая синхронизация «юридического» и «фактического» моментов имеет место не всегда, причем в целом ряде случаев наступление тех или иных правовых последствий

связывается именно с фактическим завладением вещью, оказывающимся, таким образом, первичным по отношению к вопросу о праве на вещь. Это и приобретение права собственности на вещь за давностью ее владения [ст. 234 Гражданского кодекса (далее — ГК) РФ], и приобретение права собственности на движимую вещь по договору: в силу нормы п. 1 ст. 223 ГК РФ оно, как правило, возникает с момента ее передачи, которой в соответствии с п. 1 ст. 224 ГК РФ признаётся вручения вещи, т. е. ее фактическое поступление во владение приобретателя или указанного им лица. Уместно в данной связи привести также замечание дореволюционного правоведа А. Л. Боровиковского о том, что «в гражданском быту владение, хотя бы и не по праву, имеет значение гораздо большее, чем одно голое право собственности, т. е. право, несоединенное с владением» [14, с. 248].

В других случаях оборот объектов мыслим только в рамках правовой (юридической) формы. Это касается таких объектов, как субъективные имущественные права и обязанности (о понятии и видах имущественных прав и их обороте см., напр.: [15]), отмеченная выше юридическая обусловленность самого существования которых изначально исключает принципиальную допустимость фактической смены их обладателей. Вне правового регулирования такие блага не существуют, а значит, и их фактический оборот невозможен.

Наконец, существуют ситуации, в которых, с одной стороны, оборот объекта по форме является неовеществленным, однако, с другой стороны, возможно фактическое (*de facto*, т. е. безотносительно к нормативно-правовой регламентации) получение субъектом блага, непосредственно удовлетворяющего его потребность, либо наличие обстоятельства, фактически «делающего» субъекта обладателем определенного объекта. В первой из указанных ситуаций подразумеваются, в частности, случаи оказания услуг, получения определенной информации; во второй — имеется в виду оборот объектов, существующих в виде токенов, передача ключа доступа к распределенной информационной системе относительно которых тождественна по существу факту их традиции (передачи), но при этом не равнозначна трансакции (своейственной для смены обладателя юридически существующих имущественных субъективных гражданских прав) и, состоявшись фактически (реально), может не опосредоваться типичными гражданско-правовыми сделками (в частности, сделкой об уступке права, завещанием, лицензионным договором, договорами об отчуждении исключительных прав, купле-продажи, дарения, мены). То, что в *digital*-среде совершаются фактические действия (цифровые трансакции), а также фактический характер господства лиц над виртуальными объектами, прямо отмечается и в юридической литературе [12, с. 153—171]. Вывод о фактическом характере действий в цифровой среде следует в т. ч. в силу неурегулированности данных отношений позитивным правом, поскольку, действительно, в условиях, когда «концептуальные подходы к правовому регулированию цифровых активов находятся на стадии формирования» [16, с. 78], «в отсутствие нормативного регулирования цифровых гражданских отношений, говорить о “цифровых юридических фактах”, “цифровых сделках”, “цифровых договорах”, “цифровых правоотношениях”, “цифровых обязательствах” бесосновательно и юридически ошибочно» [11, с. 181].

Обобщая изложенное, можно выделить *две основные формы функционирования гражданского оборота как социального феномена — фактическую и юридическую*. Оборот, функционирующий в *фактической форме*, характеризуется тем, что и введение объектов в оборот, и действия субъектов по смене обладателей благ (объектов) являются *фактическими*, а сам оборот может иметь место *и в отсутствие юридического опосредования либо даже вопреки тем или иным правовым нормам* (в последнем случае, впрочем, подлежа квалификации/оценке в качестве неправомерного, незаконного гражданского оборота). В отличие от этого особенность функционирования гражданского оборота в *юридической форме*, обусловленная спецификой соответствующего объекта — субъективных прав и обязанностей (способных существовать только в юридической форме), заключается в том, что *вне правового (юридического) опосредования гражданский оборот таких объектов функционировать не может*; соответственно этому, действия субъектов, направленные на смену их обладателей, могут быть *только юридическими*, хотя введение таких объектов в оборот может являться следствием не только юридических, но и фактических действий (например, при возникновении исключительного авторского права, потенциально введенного в оборот просто фактом создания соответствующего результата творческой деятельности — произведения литературы, науки, искусства).

Механизм же функционирования гражданского оборота (т. е. «набор» необходимых для этого средств) в обеих указанных формах является идентичным: 1) непременно необходимым средством функционирования гражданского оборота является введение в него определенного объекта (суть, установление персонально конкретизированной связи-принадлежности «объект—субъект»; «ничьи» блага оборачиваться не могут); 2) основным собственно функциональным («динамическим») средством существования гражданского оборота выступают действия субъектов по смене обладателей объектов; 3) если участником оборота выступает индивидуальный предприниматель, юридическое лицо или публично-правовое образование, то столь же необходимым в качестве «исходного» является такое средство, как легитимация, необходимая для признания за подобными субъектами качества самостоятельных участников оборота, обладающих в этой сфере определенной правосубъектностью.

Заключение

В завершение отметим, что с доктринальных позиций значение предложенного деления форм функционирования гражданского оборота на фактическую и юридическую формы связывается нами с его влиянием на *понимание гражданского оборота*, остро нуждающееся, полагаем, в актуализации: укоренившуюся в отечественной цивилистике дефиницию гражданского оборота как правовой формы экономического оборота следует признать *неверной*, поскольку она отражает только отношения, складывающиеся по поводу имущественных субъективных прав и обязанностей (как существующих, так и оборачиваемых, в силу их природы, исключительно юридически), но не покрывает случаи фактических (овеществленной и цифровой) форм функционирования гражданского оборота. Адекватным соответствующему феномену является понимание гражданского оборота как выступающей объектом правового регулирования самоорганизующейся системы

экономических по природе общественных отношений, опосредующей удовлетворение индивидуальных потребностей частных субъектов путем фактической и/или юридической смены обладателей материальных (в т. ч. цифровых и виртуальных) объектов и субъективных гражданских прав и обязанностей.

Практическая значимость данной градации усматривается в ее связанности с вопросом о возможном *порядке защиты нарушенных прав и охраняемых законом интересов участников оборота*. Применительно к гражданскому обороту, функционирующему в юридической форме, такой порядок может быть только юрисдикционным, поскольку, например, в случае незаконного списания акций (суть, имущественных прав) с лицевого счета акционера последний своими собственными действиями, без обращения к компетентным органам, восстановить свое нарушенное право не сможет. В отличие от этого субъекты фактически функционирующего гражданского оборота могут защищать свои права и интересы как путем обращения к компетентным органам власти, так и в порядке самозащиты (т. е. в неюрисдикционном порядке), в частности, посредством применения к нарушителю мер оперативного воздействия. Кроме этого, выделение фактической и юридической форм функционирования гражданского оборота способствует *определению необходимых (востребованных) направлений нормативно-правового воздействия на гражданский оборот*:

1) в части правовой регламентации фактически функционирующего гражданского оборота основной задачей законодателя является формирование охранительного механизма реализации и обеспечения прав и охраняемых законом интересов участников оборота, в частности, путем установления правовых норм об ответственности отдельных видов субъектов оборота (регулятивный механизм организации соответствующих социальных связей, в силу присущего гражданскому обороту функционального свойства самоорганизации, эта система выработает сама; посредством регулятивных правовых норм «сверху» необходимо лишь сдерживать или купировать социально или идеологически нежелательные тенденции естественного развития системы оборота);

2) относительно гражданского оборота, способного функционировать исключительно в юридической форме, напротив, приоритетным направлением деятельности законодателя является скрупулезная детализация регулятивных норм, касающихся соответствующих объектов оборота (их правового режима и правил их оборота).

Что касается цифровой формы функционирования гражданского оборота, то, исходя из фактического характера действий участников оборота — пользователей информационных систем, на наш взгляд, она полностью укладывается в рамки выделенной фактической формы. Однако данный вопрос заслуживает самостоятельного рассмотрения, ввиду чего в настоящей статье он был обозначен лишь в общем виде.

Выводы

Резюмируя, можно сделать следующие выводы:

1. Признавая регулирующее воздействие позитивного права на гражданский оборот, необходимо менять сложившийся подход к его пониманию, а именно воспринимать как реально существующий феномен. Только подобное восприятие позволит сформировать адекватное доктринальное представление о гражданском обороте, необходимое для определения востребованных и эффективных направлений

его государственно-правового регулирования, а также значимое для непосредственных участников оборота.

2. Как феномен гражданский оборот является сферой общества, функционирование которой состоит в смене обладателей объектов (экономических благ), ведущей к удовлетворению частными лицами — субъектами оборота своих потребностей за счет «чужих» благ.

3. Варианты функционирования гражданского оборота детерминированы формой существования оборачиваемых объектов. Сообразно градации последних по данному критерию на материальные и нематериальные, с выделением в рамках группы материальных объектов о вещественных и неовещественных, в т. ч. цифровых, предлагается выделять две основные формы функционирования гражданского оборота — фактическую и юридическую. Оборот, функционирующий в фактической форме, характеризуется тем, что и введение объектов в оборот, и действия субъектов по смене обладателей объектов являются фактическими, а сам оборот может иметь место и в отсутствие юридического опосредования либо даже вопреки тем или иным правовым нормам. В отличие от этого, особенность функционирования гражданского оборота в юридической форме, обусловленная спецификой соответствующего объекта — субъективных прав и обязанностей (способных существовать только в юридической форме), заключается в том, что вне правового (юридического) опосредования гражданский оборот таких объектов функционировать не может; соответственно этому, действия субъектов, направленные на смену их обладателей, могут быть только юридическими.

4. В зависимости от формы функционирования гражданского оборота различается порядок защиты нарушенных

прав и охраняемых законом интересов участников оборота: субъектам гражданского оборота, функционирующего в юридической форме (объектом которого являются субъективные права и обязанности), доступен только юрисдикционный порядок защиты, в то время как субъекты фактически функционирующего гражданского оборота могут защищать свои права и интересы как путем обращения к компетентным органам власти, так и в порядке самозащиты, т. е. в неюрисдикционном порядке.

5. Выделение фактической и юридической форм функционирования гражданского оборота способствует определению востребованных направлений нормативно-правового воздействия на гражданский оборот. Основной задачей законодателя в части государственно-правового регулирования фактически функционирующего гражданского оборота является формирование охранительного механизма реализации и обеспечения прав и охраняемых законом интересов участников оборота, в то время как в части гражданского оборота, способного функционировать исключительно в юридической форме, — скрупулезная детализация регулятивных норм, касающихся соответствующих объектов (их правового режима и правил их оборота).

6. Адекватным соответствующему феномену является понимание гражданского оборота как выступающей объектом правового регулирования самоорганизующейся системы экономических по природе общественных отношений, опосредующей удовлетворение индивидуальных потребностей частных субъектов путем фактической и/или юридической смены обладателей материальных (в т. ч. цифровых и виртуальных) объектов и субъективных гражданских прав и обязанностей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Красавчиков О. А. Советский гражданский оборот (понятие и основные звенья) // Ученые записки СЮИ. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1957. Т. V : Вопросы гражданского, трудового права и гражданского процесса. С. 3—27.
2. Криволавова Л. В. Правовая специфика гражданского оборота // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2012. № 6(38). С. 244—247.
3. Степанченко А. В. Правовое регулирование гражданского оборота иностранной валюты в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 204 с.
4. Ражков Р. А. Гражданско-правовое регулирование оборота валютных ценностей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2007. 23 с.
5. Головизнин А. В. Гражданско-правовое регулирование оборота культурных ценностей : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 226 с.
6. Виниченко Ю. В. Гражданский оборот: опыт системного исследования. Иркутск : Изд-во БГУ, 2019. 374 с.
7. Философский энциклопедический словарь. М. : Инфра-М, 1999. 576 с.
8. Виниченко Ю. В. О материальных и нематериальных объектах гражданского оборота // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24. № 3. С. 337—342. DOI: 10.17150/1819-0928.2023.24(3).337-342.
9. Орлов С. В. Виртуальная реальность как искусственно созданная форма материи: структура и основные закономерности развития // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2016. № 1. С. 12—25. URL: <http://fikiio.ru/?p=2056> (дата обращения: 03.05.2024).
10. Асланян Н. П. Понятие правовой реальности: постановка цивилистической проблемы // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. № 5(85). С. 100—108.
11. Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота : моногр. : в 5 т. / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2021. Т. I : Проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование). 287 с.
12. Кирсанова Е. Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике : моногр. М. : Юстицинформ, 2022. 228 с.
13. Ровный В. В. Теоретические вопросы передачи вещи : моногр. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. 195 с.
14. Боровиковский А. Право и факт // Журнал Министерства юстиции. 1867. Т. 32. С. 243—248.
15. Белоусов В. Н., Леонова С. В. Проблемы передачи имущественных прав и пути их решения // Известия Байкальского государственного университета. 2022. Т. 32. № 1. С. 225—232.
16. Савельева М. В. О формировании механизма правового регулирования отношений, связанных с криптоактивами, в эпоху глобальной цифровизации // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23. № 1. С. 78—86. DOI: 10.17150/1819-0928.2022.23(1).78-86.

REFERENCES

1. Krasavchikov O. A. Soviet civil circulation (concept and basic links). *Uchenye zapiski SYuI = Scientific Notes of the Serdlovsky Legal Institute*. Moscow, State Publishing House of Legal Literature, 1957;5:3—27. (In Russ.)
2. Krivolavova L. V. Specific legal character of civil circulation. *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Izvestia Orenburg State Agrarian University*. 2012;6(38):244—247. (In Russ.)
3. Stepanchenko A. V. Legal regulation of civil circulation of foreign currency in the Russian Federation. Diss. of the Cand. of Law. Ekaterinburg, 2018. 204 p. (In Russ.)
4. Razhkov R. A. Civil law regulation of currency valuables circulation. Abstract of diss. of the Cand. of Law. Irkutsk, 2007. 23 p. (In Russ.)
5. Goloviznin A. V. Civil law regulation of cultural values circulation. Diss. of the Cand. of Law. Ekaterinburg, 2006. 226 p. (In Russ.)
6. Vinichenko Yu. V. Civil circulation: experience of systemic research. Irkutsk, Baikal State University publ., 2019. 374 p. (In Russ.)
7. Philosophical encyclopedic dictionary. Moscow, Infra-M, 1999. 576 p. (In Russ.)
8. Vinichenko Y. V. On tangible and intangible objects of civil circulation. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic law journal*. 2023;24(3):337—342. (In Russ.) DOI: 10.17150/1819-0928.2023.24(3).337-342.
9. Orlov S. V. Virtual Reality as an Artificial Form of Matter: Its Structure and Laws. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obshchestve = Philosophy and humanities in information society*. 2016;1:12—25. (In Russ.) URL: <http://fikiio.ru/?p=2056> (accessed: 03.05.2024).
10. Aslanyan N. P. The concept of legal reality: formulation of a civil problem. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii = Izvestiya of Irkutsk State Economic Academy*. 2012;5(85):100—108. (In Russ.)
11. Vasilevskaya L. Yu., Poduzova E. B., Tasalov F. A. Digitalization of civil circulation. Monograph. In 5 vols. L. Yu. Vasilevskaya (ed.). Moscow, Prospekt, 2021. Vol. I: Problems and development trends (civil studies). 287 p. (In Russ.)
12. Kirsanova E. E. Legal regulation of intellectual property rights circulation in the digital economy. Monograph. Moscow, Yustitsinform, 2022. 228 p. (In Russ.)
13. Rovnyi V. V. Theoretical issues of transferring things. Monograph. Irkutsk, Irkutsk State University publ., 2020. 195 p. (In Russ.)
14. Borovikovskii A. Law and fact. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. 1867;32:243—248. (In Russ.)
15. Belousov V. N., Leonova S. V. Problems of transferring property rights and ways to solve them. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*. 2022;32(1):225—232. (In Russ.)
16. Savelyeva M. V. On the formation of the mechanism of legal regulation of relations related to cryptoassets in the era of global digitalization. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic law journal*. 2022;23(1):78—86. (In Russ.) DOI: 10.17150/1819-0928.2022.23(1).78-86.

Статья поступила в редакцию 05.05.2024; одобрена после рецензирования 21.06.2024; принята к публикации 25.06.2024.
The article was submitted 05.05.2024; approved after reviewing 21.06.2024; accepted for publication 25.06.2024.